

КНЯЗЕВА ЖАННА ВИКТОРОВНА*jeanna.kniazeva@mail.ru*

Доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник сектора музыки Российского института истории искусств

Санкт-Петербург,
Исаакиевская пл., 5

JEANNA V. KNIAZEVA*jeanna.kniazeva@mail.ru*

Doctor of Fine Arts, Senior Researcher of the Music department of Russian Institute for the History of the Arts

5, Isaakiyevskaya Square,
Saint Petersburg 190000
Russia

АННОТАЦИЯ**Жак Гандшин в поисках своей науки. Письма Карлу Крумбахеру**

Российский швейцарец Жак Гандшин (Jacques Handschin, 1886, Москва—1955, Базель)— крупный историк-музыковед середины XX века, специалист по западноевропейскому Средневековью. Известен также интерес Гандшина к музыкальной византистике, однако истоки этого интереса до последнего времени оставались совершенно не изучены. Данная статья вводит в научный оборот два письма молодого Гандшина великому немецкому византологу Карлу Крумбахеру, недавно обнаруженные в Баварской национальной библиотеке (Мюнхен). Письма датированы летом и осенью 1908 года. В них юный Гандшин (которому тогда исполнилось лишь 22 года) обращается к крупнейшему специалисту по византологии с просьбой подсказать ему тему для диссертационного исследования и, по возможности, принять под свое научное покровительство. Письма показывают, что мысль об академической (более того, тогда не музыкальной, а филологической) византистике лежала у самых истоков научной мысли Гандшина, то есть еще в период его работы в России. Желанию стать византологом не суждено было сбыться. Тем не менее, в годы жизни ученого на Западе (1920—1955) именно византистика— как материал, а равно и как склад научной мысли— во многом обозначила тот особый стиль Гандшина-ученого, который сегодня немало занимает исследователей его творчества. Она же стала способом мысленного возвращения ученого в его первое отечество, в Россию. Неслучайно до конца своих дней он подписывал работы как «Жак Гандшин, Базель, прежде Санкт-Петербург».

Ключевые слова: Жак Гандшин, Карл Крумбахер, академическое музыковедение, музыкальная византистика, начало XX века

ABSTRACT**Jacques Handschin in Search of his Science. Letters to Karl Krumbacher**

Russian Swiss Jacques Handschin (1886, Moscow—1955, Basle) is known today as a prominent Western musicologist of the middle 20th century, specialist for Western European medieval studies. The modern researchers are also about Handschin's interest in music of Byzantium's studies informed, but the background of this interest recently still remained unstudied. This article put two Handschin's letters to the great German Byzantinologist Karl Krumbacher into the scientific circulation. These documents have recently in the Bavarian National Library (Munich) been founded. They dated from the 1908 summer and autumn. Young Handschin (who was only 22 years old) turned to the prominent specialist, asking him about a topic for his doctor dissertation as well as, possibly, about scientific protection. The letters show, that the thinking about academic (what's more, philological, not musical) Byzantium studies lay at the origins of Jacques Handschin's scientific mentality, when he still lived and worked in Russia,— in Moscow, then in St. Petersburg. The next events of his life didn't let him become Byzantinologist. Nevertheless this science— as material as well as a special way of scientific thinking— determined Handschin's scientific style to a large extent: the style, which interests modern researchers in his works a lot. As well, the Byzantium studies became Handschin's way back to Russia. It is no coincidence, till the end of his life he signed his works as “Jacques Handschin, Basle, formerly, St. Petersburg”.

Keywords: Jacques Handschin, Karl Krumbacher, academic musicology, musical byzantinology, beginning of the 20th century

Жанна Князева

ЖАК ГАНДШИН В ПОИСКАХ СВОЕЙ НАУКИ. ПИСЬМА КАРЛУ КРУМБАХЕРУ

Знаменитый органист и музыковед Жак Гандшин (Jacques Handschin; 1886, Москва — 1955, Базель) относился к числу людей, в начале XX века реально объединявших в себе российскую и западноевропейскую культуры. Сегодня мы отчетливо видим подъем интереса к творчеству этого знаменитого российского швейцарца. Только за последние полтора десятилетия появился целый ряд посвященных ему публикаций. Назовем статьи Ф. М. Майера [31; 32; 33] — о «мюнхенском сюжете» в жизни ученого (2002), о математических аспектах работы Гандшина *Toncharakter. Eine Einführung in die Tonpsychologie* (2012), а также выполненный Майером сравнительный анализ книг Ж. Гандшина и Э. Р. Куртиуса (2014). В 2005 году вышла статья швейцарских исследователей М. Кирнбауэра и Х. Циммерманн, посвященная истории музыковедения в Базеле с 1900 по 1960 год [28]; ее большой раздел, посвященный Гандшину, озаглавлен «Эра Гандшина» (*Die Ära Jacques Handschin*). В 2008 году появилась статья М. Кирнбауэра о Базельской *Schola cantorum*, история которой рассматривается, в частности, в соотнесении с деятельностью Гандшина [27]. В 2005 году увидела свет монография американской исследовательницы А. М. Буссе-Бергер [16], специальный раздел которой представляет интереснейший сравнительный анализ научных методов Ж. Гандшина и Ф. Людвига, одного из основателей современной западной музыкальной медиевистики.

Российским годам жизни Гандшина посвящена книга автора этих строк «Жак Гандшин в России. Новые документы» (*Jacques Handschin in Russland. Die neu aufgefundenen Texte*) [29]. Монография, вышедшая в 2011 году, весьма объемна, но в нее не вошли тексты, найденные в самое последнее время. Данная статья знакомит читателя с письмами молодого Жака Гандшина Карлу Крумбахеру, никогда прежде не попадавшими в поле зрения исследователей.

Сердечно благодарю дорогих коллег — профессора, доктора искусствоведения Евгения Владимировича Герцмана (Санкт-Петербург), профессора, доктора Франца Михаэля Майера (Берлин) и профессора, доктора Кристиана Ханника (Вюрцбург) — за обстоятельные консультации, данные

мне при подготовке статьи, за счастье личных бесед и интенсивной переписки с ними летом и осенью 2014 года. Благодарю сотрудников Баварской национальной библиотеки (Мюнхен) за предоставление мне копий писем Жака Гандшина из архивного фонда Карла Крумбахера, хранящегося в этой библиотеке.

* * *

Родители Жака Гандшина были швейцарцами (из кантона Baselland). Сам же он родился в Москве и получил здесь школьное образование. То есть уже самим фактом рождения будущий ученый был поставлен на грань культур. На протяжении всей жизни Гандшин имел швейцарское гражданство (что сильно облегчило его положение в период русской революции) и, живя в России, неизменно позиционировал себя как «швейцарец, который лишь пользуется русским гостеприимством» [29, 140]. Однако за годы, проведенные в России, Гандшин столь много сделал для русской культуры (в частности, для русской органной школы), что данные слова могут быть сегодня восприняты лишь как усвоенная им с детства привычка дистанцировать себя от общего окружения.

Оказавшись на Западе (куда он переехал весной 1920 года), Гандшин стремительно вырос в масштабную научную фигуру, чье влияние ощутимо в западном музыкознании по сей день. Но в этом взрывном росте реализовался потенциал ученого, накопленный им в России. Изучая сегодня научное наследие Гандшина, мы видим, что истоки почти всех его позднейших интересов, его научного менталитета и даже стиля письма уходят в российские годы. «Как самостоятельный музыковед я — из России», — говорил об этом сам Жак Гандшин в 1949 году [29, 18]. В этих словах — осмысленный ученый собственный генезис.

Исследования показали, что и глобальный для Гандшина-ученого интерес к западной музыкальной медиевистике также возник в российские годы. Речь идет об известной теперь истории с («безумной», как ее назвали коллеги [30, 44–47]) гипотезой А. Шеринга, опубликованной в 1912 году. Согласно этой гипотезе, чуть ли не вся ранняя средневековая музыка — органная. Знакомство с этой публикацией потрясло тогда молодого органиста Гандшина. Он начал писать диссертацию по музыке XIV века [7, 40–76]. С этого момента западноевропейская музыкальная медиевистика стала той областью, куда активнейшим образом устремится мысль будущего ученого¹.

Однако в воспоминаниях первой жены Гандшина, московской немки Елены Агриколы², мы читаем, что в зрелые годы ученый питал также

¹ См. библиографию трудов Гандшина, составленную К. Струксом [36, 2–26].

² Воспоминания Е. М. Агриколы («Zur Erinnerung an Prof. Dr. Jacques Handschin, 1886–1955. Personalien verfasst von Frau Helene [Handschin-]Agricola») полностью опубликованы в книге «Jacques Handschin in Russland» [29, 969–979]. Русский перевод документа представлен в публикации «Жак Гандшин в воспоминаниях Елены Агриколы» [6].

огромный интерес к музыкальной византистике. Он собирал информацию и мечтал читать курс лекций по этой дисциплине в Базельском университете. Из переписки Гандшина с Эрнстом Куртом (представленной в статье М. Майера [31, 282]) мы узнаем, что Гандшин даже думал защищать вторую докторскую диссертацию³; в роли таковой должна была выступить его книга «Церемониал императора Константина и песенная поэзия» (*Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung*) [18]. Однако замысел не осуществился, и мечта о масштабных занятиях византистикой осталась только мечтой.

О следах склонности к византистике (как к самому материалу, так и к особому способу мысли) в научном творчестве зрелого Гандшина пишет М. Майер:

[Это] идея о непрерывности научной мысли со времен античности, мысль о традиции, а не консервации (*Repristinierung*), отсутствие страха перед так называемыми периодами упадка <...>, и в целом — ясное осознание дистанции между мыслью и ее объектом, между земным и трансцендентным [31, 281].

Видим ли мы какие-либо зерна этого будущего интереса в российский период? До недавнего времени из возможных тому предвестников можно было назвать только два: отличное владение греческим языком, усвоенное в московской гимназии св. Петра и Павла, и два абзаца статьи «Что такое орган?» [4], посвященные византийским органам. Однако недавно в поле исследовательского внимания попали новые материалы по данному вопросу.

Баварская национальная библиотека (в Мюнхене) хранит документы, относящиеся к самому началу профессиональной деятельности Жака Гандшина. Речь идет о двух его письмах, датированных летом — осенью 1908 года и адресованных не кому иному, как знаменитому ученому-византологу Карлу Крумбахеру⁴.

Карл Крумбахер (1856–1909) — крупный немецкий историк, один из основоположников византологии как самостоятельной академической дисциплины, один из самых масштабных ее представителей, основатель специальных журналов *Byzantinische Zeitschrift* (1892) и *Byzantinisches Archiv* (1898). С 1897 года до конца своих дней Крумбахер преподавал средневековый и современный греческий язык и литературу в Университете Мюнхена, где имел первую в Германии ставку по византистике.

А какова была ситуация самого Жака Гандшина летом и осенью 1908 года, когда он писал Крумбахеру? В этот период Жак юн, ему лишь двадцать два года. Чуть больше года назад (весной или летом 1907 года) он вернулся в родную ему Москву из Германии, где учился в органных классах Макса Регера (в Мюнхене) и Карла Штраубе (в Лейпциге), посещал лекции

³ Первую докторскую диссертацию Гандшин защитил в 1924 году по теме, посвященной многоголосной музыке школы Сен-Марсьяль.

⁴ *Zwei Briefe Jacques Handschin an Karl Krumbacher: 10.08.1908 und 19.09.1908.* Bayerische Nationalbibliothek (München). *Krumbacheriana* I.

в университетах, где среди прочего слушал курс лекций по классической филологии, истории и византистике (у Крумбаха). Осенью того же 1907 года начались его концертные выступления. Сначала (в октябре) он предстал перед московской публикой как аккомпаниатор знаменитой певицы Марии д'Альгейм, а затем (23 марта 1908 года) дал первый в своей жизни сольный концерт (в московской Реформатской церкви). Весной 1908 года он начал гастролить по России (в Курске и Одессе). А в апреле отправился на несколько месяцев в Париж учиться у Шарля-Мари Видора [29, 50–54].

Ил. 1. Жак Гандшин

Мы видим молодого Жака Гандшина в самом начале его карьеры органиста-виртуоза. Он много сил положил на то, чтобы завоевать право ступить на этот путь, пережил немало испытаний, понес тяжелые лишения [об этом см.: 29, 42–48] и теперь, без сомнения, был вдохновлен, захвачен открывающимися перспективами. Он мыслит себя как органист и намерен дальше работать в избранном направлении. (Отсюда и его поездка к Видору — чтобы познакомиться с французской органной школой, совершенно отличной от уже освоенной им немецкой.)

Однако Елена Агрикола (которая именно тогда, в 1908 году, стала женой Гандшина) пишет, что с самой юности Жака буквально разрывали две страсти: любовь к музыке и любовь к науке. Душевная борьба была при этом столь сильна, что «грозила взорвать его внутренний мир, ибо и музыка и наука требуют для себя первенства» [29, 43]. Первым своим решением Гандшин выбрал музыку. Но научный склад ума и темперамент страстного исследователя остались при нем — и по-прежнему влекли к иным берегам. Теперь, когда карьера органиста налаживалась, можно было подумать и о науке.

И вот, находясь в Базеле, Гандшин пишет Крумбахеру. Письма датированы 10 августа и 19 сентября 1908 года. В начале первого письма Гандшин напоминает, что несколько лет назад имел честь быть учеником знаменитого профессора. Он пишет, что «возобновляет» ныне «прерванные на некоторое время» занятия наукой (определенно имея в виду бывшие ученические штудии, а возможно даже и некоторые личные беседы прежних лет с Крумбахером). И теперь у него самые серьезные научные намерения, — он ищет тему для диссертации. Именно с просьбой о консультации по этому поводу он и обращается к профессору.

Данное письмо — самое ранее из обнаруженных на сегодняшний день свидетельств профессионального (с перспективой защиты диссертации) обращения Гандшина к науке. Из этого же, первого письма мы узнаем, что на тот момент Гандшин — ученик профессора Баумгартнера. Вероятно, речь идет об Адольфе Баумгартнере (1855–1930), специалисте по классической филологии, ученике Я. Буркхарда и Ф. Ницше, профессоре общей истории, а с 1902 года — ректоре Базельского университета. Если это так, то значит, что для начала научной работы Гандшин избрал родной ему Базель и Базельский университет, в котором он еще в 1905 году начинал свое университетское образование. Не исключено, что контакт с Баумгартнером был сохранен еще с тех пор.

Однако ситуация, описываемая Гандшиным далее (в письме от 10.08.1908), весьма деликатна. Баумгартнер дал ему тему: предложил сопоставить два основных древних источника по истории восточных гетов в Италии — Прокопия (имеется в виду его сочинение *Bella* — «Войны») и Кассиодора (сочинение «О происхождении и деяниях гетов», как пишет Гандшин, «...отчасти в изложении Иордана»)⁵:

<Профессор Баумгартнер> хочет, однако, не изучения с целью получить отдельные факты, — а скорее некоего представления мотивов и тенденций, т. е. исходных точек зрения обоих авторов [подчеркнуто автором письма. — Ж. К.] — при этом проф. Баумгартнер ставит вопрос о том, может ли *Historia arcana* [«Тайная история» Прокопия. — Ж. К.], несущая собой совершенно иной дух, принадлежать тому же автору, что и произведение *de bellis* [«Войны»] того же Прокопия. — Ж. К.]

⁵ В русскоязычной научной литературе этим авторам и их сочинениям посвящены работы А. А. Чекаловой [12] и Е. Ч. Скржинской [10].

Баумгартнер предложил, таким образом, своему ученику непростую задачу: изучить вопрос об авторстве «Тайной истории», давно волновавший умы исследователей⁶, сказать свое слово в общей дискуссии.

Однако Гандшин не уверен в этой теме. Он имеет в своем распоряжении новые работы исследователя из Баварии Якоба Хаури⁷. По его словам (в том же письме), эти публикации прошли мимо внимания Баумгартнера⁸, кото-

⁶ Дискуссия в связи с авторством этой работы вспыхнула еще в XVII веке, сразу же после обнаружения рукописи сотрудником Ватиканской библиотеки. Теолог и историк Й. Х. Рейнкенс (1821–1896) отрицал авторство Прокопия. Однако его доводы опроверг немецкий историк Феликс Дан (Dahn, 1834–1912) в монументальной монографии «Prokopius von Cäsarea. Ein Beitrag zur Historiographie der Völkerwanderung und des sinkenden Römertums» [17]. Но дискуссия не утихла, по-прежнему раздавались голоса сомневающихся в авторстве работы. В числе последних был, в частности, крупный немецкий историк Леопольд фон Ранке (Ranke, 1795–1886). В годы, когда юный Жак Гандшин только начинал прикасаться к историческому знанию, вопросом об авторстве *Тайной истории* тщательно занимался немецкий исследователь Якоб Хаури (о нем см. ниже, сн. 7); в своих работах Хаури вновь подтвердил авторство Прокопия. Позже, одной из последних реплик в этом длительном споре прозвучал голос ирландского византиниста Джона Бьюри (Bury, 1861–1927); в начале своей научной деятельности (1889) он согласился с аргументами Л. Ранке, однако спустя годы (1923) примкнул к сторонникам авторства Прокопия (см.: [15]). По свидетельству проф. К. Ханника (в электронном письме от 23.09.2014 к автору данной статьи), на сегодняшний день дискуссия эта считается завершенной, а авторство Прокопия доказанным (Ханник указывает на две позднейшие работы: Н. Hunger [26, 294] и Гу. Moravcsik [34, 490]).

⁷ Биографические сведения о Якобе Хаури (Jakob Haury), которые пока удалось обнаружить, минимальны. По сведениям, собранным и любезно сообщенным мне профессором К. Ханником, Хаури родился предположительно во второй половине 1860-х годов. Всю жизнь он работал преподавателем в гимназиях Баварии, сначала в Аугсбурге, затем в Мюнхене. В 1891 году Хаури опубликовал свое исследование по Прокопию в программе Аугсбургской гимназии [22], а в 1893 году его продолжение, в программе Мюнхенской гимназии [23]. Жак Гандшин, ссылаясь в своем письме Крумбахеру на новые работы Хаури, имеет в виду многотомник, вышедший тогда под редакцией Хаури в знаменитой Bibliotheca Teubneriana [24]. Эта работа имела резонанс и была тщательно отрецензирована мюнхенским византологом, наследником Крумбахера, Августом Хайзенбергом на страницах *Berliner Philologischen Wochenschrift* [25]. Сегодня можно только восхищаться глубиной и фундаментальностью баварской гимназической науки тех лет: в 1962–1964 гг. работа Хаури, школьного преподавателя начала века, как не утратившая научный интерес была переиздана [35]. По сведениям профессора Ханника, после издания многотомника, то есть с середины 1910-х годов, имя Я. Хаури надолго исчезло со страниц научной печати. В следующий и последний раз мы встречаем его на страницах *Byzantinische Zeitschrift* в 1934–1937 гг. (в выпусках 34, 35, 37). Затем какие-либо упоминания об ученом исчезают окончательно. Можно предположить, что около 1940 года Якоб Хаури скончался.

⁸ Можно усомниться в правоте Гандшина. Как мы знаем (см. выше, сн. 6), споры вокруг авторства «Тайной истории» вышли далеко за рамки периода, когда профессор Баумгартнер предложил юному Жаку Гандшину принять участие в этой дискуссии. И, возможно, предлагая ученику такую тему, Баумгартнер вовсе не пропустил мимо внимания новейшие издания, а лишь не счел сделанные в них выводы окончательными, то есть не посчитал, что дальнейшая дискуссия лишена перспективы. И, как мы вскоре увидим, Карл Крумбахер поддержит его в этом.

рый, предлагая ему такую тему, хочет проверить научную состоятельность (возможно уже устаревшей к тому времени) книги Феликса Дана. Сам же Гандшин сомневается в постановке вопроса, ведь в свете работ Хаури вопрос об авторстве Прокопия кажется ему решенным⁹. Гандшин колеблется. Он склонен взять другую тему и просит профессора Крумбахера подсказать ему таковую.

Итак, Жак Гандшин — в самом начале научных размышлений, а именно, в период поиска «своей темы». Первое, что очевидно из представленного письма: молодой Гандшин, — будущий музыковед с мировым именем (и, кстати, уже состоявшийся тогда концертирующий музыкант) — вообще не помышляет о теме по истории музыки! Музыка в его письме присутствует лишь «за кадром»: прося Крумбахера помочь ему с формулировкой диссертационной темы, он уточняет (имея в виду свою жизнь гастроллирующего виртуоза):

...Только я бы просил в этом случае тему, работа над которой требует ограниченного объема литературы, поскольку в силу своей профессии я должен большую часть времени проводить в поездках и все необходимое возить с собой.

(Письмо от 10.08.1908)

Вероятно, историческое музыкознание, в тот период его развития, не представлялось молодому и амбициозному Гандшину возможным полем для серьезного научного подъема. Он ведь ищет тему, которая бы дала ему твердую почву для защиты диссертации и получения научной степени. А в этом случае надежнее было обратиться к более апробированным областям знания — истории, филологии¹⁰.

⁹ Примечательно, что ссылаясь в этом вопросе только на Хаури, Гандшин (здесь, как и позже в своей «российской жизни»; см. [29, 226–227]) игнорирует достижения российской науки своего времени, то есть науки страны, в которой он жил и с культурой которой собирался тогда связать свое будущее. Еще в 1895–1897 гг. в России, на страницах журнала «Византийский временник» вышли публикации молодого тогда Б. А. Панченко, в будущем крупного российского византолога [9]. В этих статьях Панченко на основе тщательнейшего анализа источников, так же, как и Хаури, приходит к выводу о подлинности авторства Прокопия. Можно с осторожностью предположить, что Гандшин все же знал о существовании этих публикаций Панченко, поскольку они упомянуты в тексте статьи А. Готлиба «Прокопий, историк» словаря Брокгауза и Эфрона [5]. Скорее всего, Гандшин, как живший в России и ориентированный на научное знание человек, просматривал это издание на интересующие его темы. Однако он не счел нужным в переписке с западным ученым упоминать русский источник, а возможно и сам не заинтересовался им, будучи, вероятно, убежден в приоритете западной науки по данному вопросу. И это было очевидным просчетом с его стороны, поскольку российская наука к тому моменту уже имела в данной области неоспоримые достижения. (Подробнее об этом см. книгу И. П. Медведева о петербургском византиноведении [8].)

¹⁰ Хотя уже были прецеденты защиты диссертаций по музыковедению. Так, Гуго Риман (лекции которого Гандшин слушал в Лейпцигском университете в 1906 году), защитил работу по истории нотации еще осенью 1878 года. Правда, подобная прак-

Таким образом, Гандшин, мысля себя музыкантом-виртуозом, тем не менее, намерен серьезно реализовать себя и в научной области. При этом он обращается к области знания, никак с музыкой не связанной. Можно вспомнить реплику Агриколы о двух его страстях, к музыке и науке. Мы видим, что в 1908 году они еще не «встретились», а лишь пытаются сосуществовать в его внутреннем мире. При этом серьезность намерений в каждой из сфер пока лишь увеличивает пропасть между ними. Будущим решением этого конфликта станет академическое музыковедение. Однако до этого еще предстояли годы поисков.

...Пришел ответ от Крумбахера. Текст письма не сохранился, но, судя по второму посланию Гандшина (от 19 сентября 1908 года), Крумбахер поддерживал тему, данную Баумгартнером. К сожалению, нам неизвестна аргументация ученого. Неясно, видел ли он перспективы в изучении вопроса об авторстве «Тайной истории» или же (что можно было бы почувствовать за строками письма) просто не захотел вмешиваться в дела своего базельского коллеги, профессора Баумгартнера.

Однако Гандшин, со свойственной ему уже в те юные годы независимостью мыслей и поступков (граничившей порой со своеволием), к моменту получения письма Крумбахера уже принял свое собственное решение — и поменял тему. Он объясняет профессору мотивы своего решения:

Глубокоуважаемый господин профессор! Сердечно благодарю Вас за любезный ответ. Однако я все же был вынужден отказаться от предложенной господином Баумгартнером темы (сравнение тенденций и концепций Прокопия и Кассиодора). Эта тема или безгранична, поскольку обусловлена сравнительной историей культур эпохи Теодориха и Юстиниана, — или же малопродуктивна, поскольку Прокопий и Кассиодор, строго говоря, имеют мало точек соприкосновения, и таковые не дают повода для глубоких исследований.

(Письмо от 19.09.1908)

Мы видим, что общая тема представлялась ему научно несостоятельной. Вопрос же об авторстве «Тайной истории» Гандшин, прочтя работы Хаури, для себя закрыл и здесь его даже не упоминает¹¹.

Отказавшись от темы, предложенной Баумгартнером, Гандшин (сам или же следуя совету кого-то из базельских университетских кругов) избирает себе новую тему диссертационного исследования. Он пишет далее

тика была редка. А в случае Гандшина не исключен и другой мотив. Помимо недостаточной «респектабельности» музыковедческой науки по сравнению со старыми, почтенными академическими дисциплинами, в подобной ориентации юного Жака могли сказаться еще и остатки влияния его родителей. Ранее они приложили немало сил, стремясь убедить сына в том, что занятия музыкой мелки для него, недостойны его ярких дарований [29, 43].

¹¹ Исследования Хаури заинтересовали Гандшина: он ищет контакта с ученым и в конце этого письма просит Крумбахера переслать Хаури прилагаемое послание от него, поскольку сам не имеет адреса Хаури. Вопрос о возможной переписке молодого Гандшина с Хаури еще ждет своего изучения.

Крумбахеру: «Я хотел бы теперь поставить себе следующую задачу: анализ географических известий у Прокопия» (письмо от 19.09.1908; подчеркнуто автором. — Ж. К.).

Остановимся здесь на двух моментах. По свидетельству российского музыковеда-византолога Е. В. Герцмана (высказанному в одной из наших бесед осенью 2014 года), избранная юным Гандшиным тема («географические сведения у Прокопия») крайне сложна. Тексты Прокопия переполнены географическими реалиями: поскольку наименования населенных пунктов часто менялись, одни и те же поселения могли именоваться по-разному. Все это создавало большие трудности для исследователей. И в этом смысле тема действительно была крайне перспективной¹². Таким образом, молодой Гандшин как начинающий ученый намерен был приняться за крайне сложный, объемный труд (при этом, позволю себе повториться, *никак* не связанный с основной для него сферой профессиональной деятельности — музыкой).

Второе, о чем свидетельствует избранная формулировка, — то, что в поисках «своей» научной темы молодой Гандшин явно склоняется к византологии. Если в первой теме (данной ему Баумгартнером) эта научная область представлена частично, то вторая (выбранная самим Гандшиным) целиком посвящена ей.

Пока трудно сказать, что именно стояло у истоков этой склонности. Несомненно, большую роль сыграла прежняя встреча (в Мюнхене в 1905 году) девятнадцатилетнего Жака с Карлом Крумбахером, в зените славы последнего. Позже (в декабре 1929 года) Гандшин напишет (Эрнсту Курту), что в Мюнхене тогда «совершился его поворот от Крумбахера к Регеру» [31, 281] (имея в виду принятое им в те дни решение стать органистом — очевидно, при отказе от византологии). Однако, как мы видим из письма от 19 сентября 1908 года, этим «качелям» (в письме к Курту Гандшин употребляет слово «Schwenkung», которое может означать одновременно как «поворот», так и «качели») было суждено качнуться еще раз и вновь приблизить Гандшина к Крумбахеру — спустя три года после его «поворота» к Регеру.

При этом создается впечатление, что, решительно обращаясь к византологии, Гандшин не против поменять и научного руководителя:

...Поскольку проф. Баумгартнер не является специалистом в области византистики, а, с другой стороны, я имею счастье быть Вашим учеником, то я прошу Вас, глубокоуважаемый господин профессор, сообщить мне, одобряете ли Вы мой выбор темы.

(Письмо от 19.09.1908)¹³

¹² Она и по сей день активно изучается. См.: [1; 2; 3; 11].

¹³ Замечу, что в приведенной реплике о Баумгартнере (как *неспециалисте* в области византистики) юный Гандшин не вполне прав. Еще в 1885 году в Лейпциге вышла работа Баумгартнера, связанная с творчеством крупнейшего армянского средневекового историка Мовсеса Хоренаци [13], а в 1904 году в Базеле была опубликована его лекция «Zur Geschichte und Literatur der Griechischen Sternbilder» [14]. Византистика

В заключительных строках письма Гандшин сообщает, что намерен грядущей зимой быть проездом в Мюнхене («чтобы, по возможности, сориентироваться дальше»), косвенно прося тем самым профессора о встрече.

Неизвестен ответ Крумбахера. Неизвестно, состоялась ли их встреча зимой 1908–1909 года. Мы (пока) не знаем и того, начал ли Гандшин работу над избранной им историко-филолого-географической темой. На дворе была середина осени 1908 года, и очень скоро событиям в его жизни суждено было пойти по иному пути — тому, о котором он в момент написания писем Крумбахеру не мог и думать.

Всего лишь через два с небольшим месяца после переписки с Крумбахером, в декабре 1908 года в Петербурге скончается Людвиг Гомилиус (1845–1908), профессор Петербургской консерватории, руководитель ее, крупнейшего в Российской империи, органного класса. Жак Гандшин, будучи лишь двадцати двух лет от роду, примет участие в конкурсе на замещение открывшейся (самой блистательной тогда в России) вакансии органиста — и победит в нем. Этот неожиданный (хотя и заслуженный) подарок судьбы определит для него всё на ближайшие десять с небольшим лет (с начала 1909 по май 1920 года), а многое — и на всю жизнь. Гандшин переедет в Петербург и, развернув там масштабную преподавательскую и концертную деятельность, вскоре станет, по словам критиков, «лучшим органистом Российской империи» [29, 77]. Именно годы, проведенные в Петербурге, сформируют основы научного мышления будущего ученого. Позже сам Гандшин назовет этот период своими главными университетами [29, 825].

В петербургские годы деятельность органиста (виртуоза, преподавателя, критика) выйдет для Гандшина на первый план, вновь поставив науку «в режим ожидания»¹⁴. И когда он в следующий раз обратится к ней, речь пойдет уже не о филологии или исторической географии, а об историческом музыкознании. Этот сюжет, связанный с гипотезой А. Шеринга и написанной Гандшиным (позднее утраченной при загадочных обстоятельствах) диссертацией об органной музыке XIV века, был упомянут в начале данной статьи.

Однако проявившийся еще в юности интерес к византологии не исчезнет бесследно. Для зрелого Гандшина-ученого сопоставление западного музыкального Средневековья и музыкальной Византии приобретет глубокое концептуальное значение, о чем свидетельствуют такие его работы как «Троп, секвенция и кондукт» [21], «О некоторых греческих тропарях, переведенных на латынь» [20]¹⁵ и др.

входила в круг исследовательских тем и научных интересов Баумгартнера. Однако, по видимому, Гандшину этого было недостаточно, он хотел защищаться под руководством столь бесспорного авторитета в избранной области, каковым был сам Карл Крумбахер.

¹⁴ Отодвиганию научных планов Гандшина на более поздний срок мог способствовать и тот факт, что в декабре следующего, 1909 года в Мюнхене скончается Карл Крумбахер, научной поддержки которого, как мы видели, так желал себе юный Жак.

¹⁵ См. об этом также [29, 219].

И все же масштабно развернуться в области музыкальной византистики ему не удастся никогда. Как мы уже знаем, не исполнится желание Гандшина получить университетскую ставку по этой дисциплине. Не состоится и второе издание его «Краткой истории музыки» [19] с расширенной главой по «европейскому востоку»¹⁶. В этом смысле византология — в начале филологическая, затем музыкальная — останется вечной несбыточной мечтой Гандшина-ученого. И мы можем лишь сожалеть, что уже не получим плодов его знаний и размышлений в этой научной сфере, которых, как пишет Е. Агрикола, было накоплено немало [29, 978].

Однако история науки не одномерна. Несбыточные мечты (как и научные просчеты, ошибочные концепции и прочее) имеют в ней свою ценность — они выявляют устремление мысли, направление интересов и поисков ученого. Византистика, не став «педагогической нагрузкой», оказалась для Гандшина путеводительницей. В молодости она призвана была выстроить его путь в академическую науку. Для зрелого же и позднего Гандшина, — по наблюдению столь тонкого и глубокого знатока гандшиновского творчества, как М. Майер, — стремление к византистике стало путем его «возвращения» в Россию¹⁷ (в годы, когда о реальном возвращении уже не могло быть речи¹⁸). Неслучайно, открывая главу о музыкальной Византии («Европейский восток») своей «Истории музыки», Гандшин пишет о великолепии и богатстве русской музыкальной традиции и уже на третьей странице текста цитирует Пушкина [19, 137].

Карл Дальхауз (по свидетельству того же М. Майера¹⁹) как-то прокомментировал известную манеру Гандшина подписывать свои статьи — «Жак Гандшин. Базель, прежде Петербург» — следующим образом: «Он мог бы просто писать: “Базель — место жительства, но я из Петербурга” (Basel ist ein Nest, aber ich komme aus St. Petersburg)». Волей судьбы Жак Гандшин был призван исполнять роль посланника России (точнее, того комплекса идей и представлений, что связаны с дореволюционной российской культурой) в западноевропейском академическом музыкознании уже следующей эпохи, второй четверти XX века. Вот только возвратиться в Россию этому посланнику было не суждено.

¹⁶ О замысле, о желательности такого расширенного переиздания Гандшин писал в 1948 году в первом издании своей книги [19, 141]. Однако уже тогда он сомневался в реализуемости этого замысла, сопровождая свои слова репликой: «...если я доживу до такого» (...falls ich eine solche erlebe...).

¹⁷ Электронное письмо М. Майера от 5 сентября 2014 года автору этих строк.

¹⁸ Осознание этого печального факта пришло не сразу: известно, что в первые годы жизни в Швейцарии Гандшин и его семья постоянно «сидели на чемоданах», рассматривая свой отъезд из России как краткий — чтобы лишь переждать тяжелые времена, сохранить здоровье детей.

¹⁹ Электронное письмо М. Майера от 5 сентября 2014 года.

Список литературы:

1. *Бородин О. Р.* Географические знания // *Культура Византии*: в 3 т. Т. II. М.: Наука, 1989. С. 335–365.
2. *Бородин О. Р.* Развитие географии в поздней Византии // *Культура Византии*: в 3 т. Т. III. М.: Наука, 1991. С. 376–394.
3. *Бородин О. Р.* Развитие географической мысли // *Культура Византии*: в 3 т. Т. I. М.: Наука, 1984. С. 432–466.
4. *Гандшин Я.* Что такое орган? // *Музыкальный современник*. 1915. Книга 3. Ноябрь. С. 53–63.
5. *Готлиб А.* Прокопий, историк // *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона*. Т. 25 (49). СПб.: Семеновская Типо-Литография И. А. Ефрона, 1898. С. 387–388.
6. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин в воспоминаниях Елены Агриколы // *Старинная музыка*. 2011. № 3–4. С. 41–52.
7. *Князева Ж. В.* Из истории одной исчезнувшей диссертации // *Opera Musicologica*. 2011. № 1 (7). С. 40–76.
8. *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение. Страницы истории. СПб.: Алетейа, 2006. 334 с.
9. *Панченко Б. А.* О «Тайной истории» Прокопия // *Византийский временник*. Т. II. СПб, 1895. С. 24–57, 340–371; Т. III. СПб., 1896. С. 96–117, 300–316, 461–527; Т. IV. СПб., 1897. С. 402–451.
10. *Скржинская Е. Ч.* Иордан и его «Гетика» // *Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Гетика)*. СПб.: Алетейа, 2013. С. 9–58.
11. *Удальцова З. В.* Косьма Индикоплов и его «христианская топография» // *Культура Византии*: в 3 т. Т. I. М.: Наука, 1984. С. 467–477.
12. *Чекалова А. А.* Прокопий Кесарийский: личность и творчество // *Прокоп Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история*. М.: Наука, 1993. С. 421–456.
13. *Baumgartner A.* Dr. M. Lauer und das zweite Buch des Mōses Chorenazi. Lpz. [o. V.], 1885. 24 S.
14. *Baumgartner A.* Zur Geschichte und Literatur der Griechischen Sternbilder. Vortrag gehalten in der Basler Historischen und Antiquarischen Gesellschaft am 15. Februar 1904. Basel: in Kommission bei C. F. Lendorff. 1904. 42 S.
15. *Bury J. B.* History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. L.: Macmillan, 1923. 542 p.
16. *Busse-Berger A. M.* Medieval Music and the Art of Memory. University of California Press, 2005. 304 p.
17. *Dahn F.* Prokopius von Cäsarea. Ein Beitrag zur Historiographie der Völkerwanderung und des sinkenden Römertums. Berlin: Mittler u. Sohn, 1865. VI, 504 S.
18. *Handschin J.* Das Zeremonienwerk Kaiser Konstantins und die sangbare Dichtung. Basel: F. Reinhardt, 1942. 112 S.
19. *Handschin J.* Musikgeschichte im Überblick. Luzern: Räber & Cie, 1948. 432 S.

20. *Handschin J.* Sur quelques tropaires grecs traduits en latin // *Annales musicologiques* (2). Société de musique d'autrefois, 1954. P. 27–60.
21. *Handschin J.* Trope, Sequence, and Conductus // *The New Oxford History of Music* (II). L.: Oxford University Press, 1952. P. 128–174.
22. *Haury J.* Procopiana // Programm des königlichen Realgymnasiums von Augsburg für das Schuljahr 1890/91. Augsburg (o. V.), 1891. S. 9–27.
23. *Haury J.* Procopiana II // Programm des königlichen Realgymnasiums von München: 1892/93. München: J. G. Weiss, 1893. 43 S.
24. *Haury J.* (Hrsg). *Procopii Caesariensis Opera omnia*. 4 Bde. Lpz.: Teubner, 1905–1913.
25. *Heisenberg A. J.* Haury // *Berliner Philologischen Wochenschrift* 29 (1909). № 31–32. S. 961–976.
26. *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München: C. H. Beck, 1978. 528 S.
27. *Kirnbauer M.* «Tout le monde connaît la schola». Eine Spurensuche zur Vorgeschichte der Schola Cantorum Basiliensis // *Basler Jahrbuch für Historische Musikpraxis*. 2008 (32). S. 145–157.
28. *Kirnbauer M., Zimmermann H.* Wissenschaft in „keimfreier Umgebung“? Musikforschung in Basel 1900–1960 // *Musik im Exil. Die Schweiz und das Ausland: 1918–1945*. Hg. v. Ch. Walton, A. Baldassare. Bern–Berlin–Bruxelles: Peter Lang, 2005. S. 322–345.
29. *Kniazeva J.* Jacques Handschin in Russland. Die neu aufgefundenen Texte. Hg. vom Musikwissenschaftlichen Institut der Universität Basel. Red. M. Kirnbauer und U. Mosch. Basel: Schwabe Verlag, 2011. 1045 S.
30. *Leech-Wilkinson D.* The Modern invention of Medieval Music. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 346 p.
31. *Maier M.* „Man weiß nicht, wozu es gut ist“. Jacques Handschin, Ernst Kurth und der Münchener Lehrstuhl für Musikwissenschaft // *Jahrbuch des Staatlichen Instituts für Musikforschung Preußischer Kulturbesitz*. Hg. v. G. Wagner. Stuttgart–Weimar: J. B. Metzler-Verlag, 2002. S. 280–294.
32. *Maier M.* Jacques Handschins Kategorie Toncharakter im Licht der mathematischen Kombinatorik // *Archiv für Musikwissenschaft*. B. 69. H. 3. (2012). S. 251–262.
33. *Maier M.* Curtius, Handschin und ihre Bücher von 1948 // *Archiv für Musikwissenschaft*. B. 71. H. 4. (2014). S. 291–306.
34. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica 1: Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. Leiden: Brill, 1983. 609 S.
35. *Procopii Caesariensis Opera omnia*. Rec. J. Haury, G. Wirth. T. I–IV. Lipsiae: Teubner, 1962–1964.
36. *Stroux Ch.* Jacques Handschin: Index scriptorium // *In memoriam Jacques Handschin*. Ed. H. Anglès, G. Birkner [u. A.]. Strasbourg: P. H. Heitz, Argenorati apud, 1962. S. 2–26.